

Ирина ДРУЖАЕВА

Родилась в лесном посёлке Рустай, на севере Нижегородского края, на реке Керженец. Окончила Горьковский сельскохозяйственный институт и аспирантуру. Работала в почвенной экспедиции НИИ Гипрозем и ассистентом в ГСХИ. Директор художественного выставочного зала «Галерея на Троицкой» в городе Городце Нижегородской области.

Публиковалась в газетах «Литературная газета», «Современная литература», «Литературный Кавказ», журнале «Вертикаль. XXI век», альманахе «Земляки» и других изданиях. Лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого, конкурса сценариев Московского международного кинофестиваля «Лучезарный ангел», литературной премии «Золотое перо Руси», премии города Нижнего Новгорода. Лонг-лист премии «Ясная Поляна».

Член Союза писателей России. Живет в Городце.

ПОСЛЕДНИЙ ПАЛАЧ

На левом берегу Волги прямо напротив Балахны раскинулось село Николо-Погост. Святая земля, по древности и с Городцом может поспорить.

История села ещё до монголо-татарского нашествия началась.

Пережил Погост страшные годы ига, притеснения и расправы от опричников Грозного царя.

Сколько ног ступало по этой земле за долгие века! Сколько тел упокоились в ней! Много тайн хранит это место. И сколько новых событий продолжают творить историю и рождать новые тайны.

Известное место Николо-Погоста – Шихан, поляна на высоком месте надпойменной террасы, хранит следы старины глубокой. Именно на Шихане находилось «лобное место».

Ещё монголо-татары устраивали здесь виселицы для своих противников, и молодцы Ивана Грозного именно на этом месте жестоко расправились с жителями Заузоля, выступившими против засилья дворян-опричников. Позднее, при Екатерине II, встретили здесь свой конец и беглые ссыльные «балахонцы» с балахнинских соляных варниц. Стала гора Шихан, заросшая соснами, местом казни для преступников и неугодных людей на долгие века. И везли сюда этих обречённых со всего Заузоля, с Городца и Балахны.

Только в Николо-Погосте был штатный палач.

Что заставляет человека палачом стать? Ужасающая крайняя нищета? Природная склонность? Отбывание повинности за собственные

преступления? История первого погостинского палача погребена вековыми песками, а вот последний долго был на слуху в лесном Заволжье.

Звали его Никодим Палач. И был он потомственным мастером заплечных дел. И дед, и отец Никодима палачами были. По роду они звались Дюжевы, да фамилия из памяти людей давно стёрлась. Родом Дюжевы были с деревни Щёкино, в Николо-Погост перебрался ещё прадед Никодима.

Отец, Емельян, с первого удара кнутом говорить заставлял. Приходилось и палачу Никодиму, как предкам его, не только головы рубить, но и кнутом полосовать при дознании и наказании.

Жил палач в старой отцовской избе, стоявшей особняком на краю обрыва над волжской долиной. Может, случайно, а может, и нет, но никто рядом хором не настроил. И неважно людям во все времена, какими людьми были мужики Дюжевы. Старались от них подальше держаться. Так что кем стать перед Никодимом вопроса не стояло. Если тебя с детства изгоем, нелюдимым да отшельником ремесло дедовское и отцовское сделало. И в наследство досталось.

Ко всему прочему природа наделила Никодима огромной силой и пугающей внешностью. Если на кусок сахара день за днём глядеть да говорить, что он редька, то и сахар горчить начнёт. Если на человека с младенчества глядеть с испугом да стороной обходить, красоты у него не прибавится.

Да и не в кого было Никодиму красивым родиться. Жён Дюжевы веками брали не из красавиц, а из последних в округе невест, тех, кого не берёт никто. Не всякая женщина сможет жить наособицу, когда люди стороной обходят, а в избе мужниной на стене огромный топор висит. Старинный, с широким лезвием, топор, орудие казни, передавалось из поколения в поколение. И для Дюжевых расположение его на парадной стене казалось привычным и естественным.

Никодим о женитьбе задумался, когда родителей лишился. Затосковал от одиночества.

Огромный, сутулый, с длиннющими руками и лошадиным лицом, молчаливый парень казался односельчанам страшным, суровым, недобрым человеком.

Сваха перекрестилась да руками развела, когда Никодима на пороге увидела. Но работу свою она знала, убедилась за долгие годы, что на всякий товар свой покупатель найдётся. Не сразу, а нашла для парня суженную – Настасью, из дальней лесной деревни Обмелюхино.

Не красавица, скромная и работающая, Настасья с родителями жила богато, со двора покато. Чего ни хватись, за всем в люди покатись! А как осиротела, совсем тяжко стало, жизнь – не сахар. Часом – с квасом, а порой и с водой. Потому от предложения Никодима не отказалась, перебралась из убогой отцовской избы в дом Палача. Поначалу со страхом, потом с удивлением смотрела Настасья на мужа своего Никодима.

Как не глядеть со страхом, когда молва людская Палача злодеем прославила, а на стене в доме этакая страсть висит. Но и месяца не прошло, увидела Никодима другими глазами, душу его ранимую и чистую разглядела.

– Настенька! Работа мне такая от отца досталась. Я другого и не умею ничего. Платят мне много. Кому-то надо и такое дело делать. Но без этой надобности я не только человека, но и букашки не обижу. А тебя тем более.

Никодим и впрямь оказался человеком добрым и жалостливым, ветки зазря не сломают, животинку любую приветит. И на людей обиды не держит, зла не таит.

Настасья, как только это поняла, перестала уродство мужнино замечать. А потом и полюбила его за незлобивость, за заботу и ласку. А когда в семье лад да любовь – и душе теплей, и в избе светлей. И стали жить да радоваться, пусть не в богатстве, но в достатке и в добром согласии. Ребёнка ждали. Но недолгое счастье выпало Никодиму Палачу. То ли трудное голодное детство сказалось, то ли по судьбе так выпало, но заболела Настасья. Родила Никодиму дочку и умерла.

Очень убивался по любимой жене безутешный Палач. Но горе горем, а надо жить, хотя бы ради дочки. Потому как ребёнок у необычного отца тоже странный появился. Повитуха, как дитё приняла, начала Настасью спасать. И только поняв, что матери уже не помочь, ребёнком занялась. Бабка повивальная много чего повидала на своём веку, приходилось ей видеть младенцев, родившихся с волосами на голове, иногда и на теле. Но дочка Палача испугала повитуху своим видом. Она была покрыта рыжевато-бурыми волосами с головы до ног. Только часть лица оставалась чистой. Позвоночник заканчивался отростком, похожим на хвостик. А ушки были острые и длинные.

– Свят, свят, свят! – бормотала повитуха, пеленая необычного ребёнка.

Слух о том, что у палача родился уродец, разнёсся по округе. За спиной у него люди шептались, что это божья кара за ремесло страшное. Никодиму с большим трудом удалось найти кормилицу для дочки на несколько недель, лишь немалые деньги решили дело. А с полутора месяцев Дюжев сам кормил дочку – на козьем молоке выросла. И что удивительно – без проблем и хворей.

Никодим назвал девочку Марысей. Он не понимал, что в ней так пугало суеверных соседей, принимал её такой как есть. Священник, которому палач показал ребёнка, крестить девочку не решился, уж очень непонятным существом она ему показалась. Никодим на это плечами пожал и перестал в храме показываться.

Всё своё время он теперь дочке посвящал. Одетая в сарафан, укутанная платком, девочка издали выглядела вполне обычно. А близко к ней подойти теперь отец не давал. Жили замкнуто, никого в свою жизнь не впуская.

Людское любопытство донимало палача с Марысей лишь поначалу. Потом все свыклись, интерес потеряли. Да и страх перед палачом заставлял односельчан обходить стороной его дом.

Палач с дочкой на шесть лет словно исчезли для всех, жили своей неведомой жизнью, почти не соприкасаясь с соседями.

А Никодиму ни до кого больше дела не было, кроме Марыси. С наступлением лета, с раннего утра отец и дочь уходили в заповедные луга и реликтовые рощи волжской поймы к озёрам и старицам, полным рыбы. И там, в буйстве зелени, происходило чудо. Девочка, как тяжёлые оковы, сбрасывала ненавистный сарафан и становилась иным существом, единым с этим лугом, с этим лесом, частью чего-то древнего, ушедшего, волшебного.

Тело Марыси было полностью покрыто пятнистой рыжевато-бурой гладкой блестящей шерстью. Чистым оставалось только прекрасное лицо, обрамлённое густыми волнистыми огненно-рыжими волосами.

Пушистые острые ушки заканчивались забавными кисточками. А глаза! Нечеловеческие. Невероятные большие изумрудного цвета с золотистыми искрами глаза излучали тёплый свет, зрачок то становился огромным и круглым, то вдруг сужался до вертикально линии. Девочка-кошка, прекрасная, ласковая и грациозная.

Она то бежала в луга, стремительная и гибкая, как стрела, пытаясь перегнать ветер, то забиралась на деревья-исполины, исчезая среди ветвей.

Никодим не мог наглядеться на эту пушистую красоту, на грациозные движения, на невероятные переменчивые глаза Маруси. И лишь иногда пугался, когда она забиралась слишком высоко.

– Марысь, спускайся! Марысь! Марысь! – звал её отец.

И над лугом разносилось: «Арысь, арысь, арысь!»

Палач в глубине сознания понимал, что происходит что-то невероятное. Но отказывался об этом думать. Человек ли, рысь ли Марыся, или девочка-оборотень, или вовсе существо волшебное, она его дочь. Единственная и любимая.

Набегавшись, Марыся становилась милым ребёнком, ластилась к отцу, что-то лепетала и напевала, помогала ему ловить рыбу, собирала грибы и ароматные ягоды. А Никодим светился от радости и любви, любясь ею. Всё его существо, каждая клеточка наполнялись счастьем.

Но счастье что волк – покажется да в лес уйдёт. А чужое счастье людям глаза колет.

Пока настоящие владельцы села в Москве жили, полноправным хозяином Николо-Погоста был управляющий Ефим Буйнов. В народе его барином звали. Жил он в двухэтажном деревянном доме с мезонином возле пруда и барского парка. Ефим был человеком жадным, злым, хитрым и скользким, как уж. Такого бойкого – в ступе пестом не изловишь.

В подручных у него были приказчик да конторщик. Тоже жулики первостатейные, под стать хозяину.

На беду, увидел один из приказчиков Марысю на озере, рассказал о странной девочке Ефиму.

Но управляющего мало что интересовало, если с того дохода не видел. Да и некогда было об этом думать, уезжал он в Москву, с казной и докладом для хозяев.

Вот там и случилось ему с карточными шулерами столкнуться. Уж на что жулик, а попал как кур во щи. На всякого хитреца другой хитрец найдётся. Лишился Ефим барских денег. Призадумался, что делать. То ли в бега пускаться, то ли в тюрьму садиться. Не хочется после барской жизни.

А тут на глаза ему цирк попался. Необычный – «цирк уродов». А представления там показывали люди с невероятными особенностями, физическими отклонениями.

Вот тогда и вспомнил Буйнов о разговоре с приказчиком своим, про девочку волосатую. Поговорил Ефим с владельцем цирка. Тот ему за дочь палача такую цену предложил, что Ефим вздохнул свободно. Все его проблемы решались. Он даже не сомневался, что сможет ребёнка украсть и в Москве продать.

Примчался управляющий в Погост, сразу поделщиков двоих созвал. Придумали план злодейский. Чтобы девочку забрать, палача из дома выманили, в контору вызвали к дознавателю, работу свою выполнять.

Сунулись приказчик и конторщик в дом палача, девочку схватили. Марыся со злом не сталкивалась. Но испугалась, поняла, что не до-

брые люди рядом, вдруг покусала и поцарапала напавших. Не девочка, а рысь! Пришлось одному из них по голове её ударить. Руки Марысе тряпицей связали, бросили её в тарантас и погнали в долину, к волжской переправе.

А Никодим в конторе не застал никого, удивился. А сердце вещее беду чует. Помчался в дом – а Марыси нет. На дороге следы от колёс увидал. Как зверь, почувствовал палач, куда кони ускакали. И побежал, нечеловеческими прыжками помчался следом.

А Марыся в повозке от удара очнулась. Вот тут и поняли похитители, что зря её не связали покрепче. Освободилась она от пут и превратилась в дикого зверя. Чуть не загрызла возницу. Выскочили все из тарантаса, а арысь-поле не убегает, рычит и к прыжку готовится. От страха оба злодея ни закричать, ни убежать не могут. Но конторщик про пистолет вспомнил, достал из-за пазухи и выстрелил.

Упала девочка-рысь как подкошенная, без единого звука. Но рядом вдруг такой рёв нечеловеческий, звериный раздался, что злодей пистолет выронил. Увидели похитители бегущего к ним гиганта-палача, вскочили в тарантас и помчались прочь.

А Никодиму не до них. Он к дочке бросился, обнял тёплое мягкое тельце. И задохнулся от горя. Горе, как и счастье, может заполнить душу и тело без остатка, даже для вдоха места не оставив.

Белым днём солнца не стало, оно закатилось, как прекрасные глаза Марыси. Густая темнота встала стеной. Звуки умерли, утонули в вязкой горькой тишине. Ветер остановился на лету. Остановилось время.

Палач гладил шёлковые волосы и пушистые ушки, раскачивался и тихо шептал что-то хриплым голосом, то ли молитву, то ли колыбельную. Он не знал, сколько просидел у дороги, укачивая дочку. Пока тело Марыси не застыло у него в руках.

Никодим отнёс девочку-рысь к их любимому месту у озера и похоронил её возле большого валуна. Взошла холодная круглая луна. И палач завыл. Громко, страшно, по-звериному. До утра слушало большое село этот первобытный, жуткий, леденящий душу вой. И если страшно было всем от мала до велика, то каково было злодеям-похитителям, причинившим такую боль?

К утру вой прекратился. Новый день наполнил село слухами один страшнее другого. Все с ужасом ждали ночи. Но вой не повторился. Было тихо и безветренно. Даже слишком тихо.

Но утро принесло ещё больший ужас. Всё село содрогнулось от него. На Шихане, на лобном месте нашли приказчика управляющего. Тело его лежало в траве, а аккуратно отрубленная голова красовалась на пне.

Управляющий с конторщиком в страхе заперлись по избам. Из Городца вызвали дознавателя. Все недоумевали, кто и за что убил приказчика.

Управляющий потребовал себе охрану, но объяснить почему – не мог. Или не хотел, только дрожал как осиновый лист.

Полицейский дознаватель пытался оставить на ночь охрану у лобного места. Но никто не захотел провести ночь на этой страшной поляне ни за какие деньги.

Замки и запоры не помогли и второму похитителю Марыси. Нашли конторщика на следующее утро всё там же, на лобном месте. Палач хотел показать, что это именно казнь, а не случайная гибель.

Спал ли крепче управляющий Ефим с охраной у дверей, нам неизвестно. Но когда проснулся, рядом с собой в кровати топор нашёл,

огромный грязный колун. Как он в кровать попал? Работник и кухарка клялись и божились, что топора этого сроду не видали.

Управляющий после этого совсем не в себе сделался. Трясётся весь, заговаривается. Но про палача дознавателю намекнул.

В доме Никодима полицейские не нашли, но от деревенских про любимое озеро палача узнали. Там и застали Никодима у большого валуна. Подошли к нему, а он топор поднял. От страха дознаватель в палача выстрелил. Упал Никодим, обняв холмик свежей земли у валуна.

Вот так закончил жизнь внук палача, сын палача, последний палач Заволжья. Всё село приходило смотреть на мёртвого Никодима и его окровавленный топор, даже трясущийся управляющий, чтобы убедиться, что опасность никому больше не угрожает. Про странную дочку палача никто и не вспомнил, никому до неё дела не было.

Управляющему, однако, легче не стало. Стал он то тут, то там призрака палача с топором видеть. И ночью, и среди белого дня. Совсем извёлся мужик. А тут ещё недостача денежная никуда не делась, висит над ним, как топор палача. Откуда деньги такие взять?

В воскресенье уговорила его жена в храм сходить в надежде, что мужу полегче станет.

А на Базарной площади у храма торговля бойкая идёт. Подошёл Ефим к скобяному ряду, где косами торгуют. А одна коса вдруг из крепления деревянного выскочила и со свистом упала на шею управляющего. Тело Ефима ещё двигалось вперёд, а отсечённая острой косой голова уже катилась под ноги жены.

Не стало злодеев, убивших девочку-рысь. А вот призрак палача не исчез. Видно, не может оставить это место не простившая и не прощённая душа. Видели его люди и у озера, и на лобном месте. А потом слух прошёл, что призрак помогает всем несправедливо обиженным, оболганным иль ограбленным, что прийти на встречу с палачом надо непременно ночью при полной луне.

Так что не заросла тропа к страшному месту на Шихане. Потянулись туда ночные посетители справедливости искать. Помощи просить у последнего палача. Кто-то её получал, если действительно был обижен незаслуженно иль ограблен злодеями.

Но всегда ли мы честны и справедливы даже перед самим собой? И то, что нам кажется несправедливым, всегда ли является таковым в глазах окружающих? Не зря же говорят: у каждого своя правда.

А палач – судия холодный, беспристрастный. Он не слова слушает и не бумаги смотрит, а души человеческие читает.

Прежде чем у неведомых сил помощи просить, в себя загляните. Так ли чисты ваши помыслы, бескорыстны намерения и честны дела? Не судите, да не судимы будете.

ЛАРИОНОВА ОБИТЕЛЬ

Поддужные колокольчики почтовой тройки бренчали нервно и вразнобой. Ухабистая грунтовка петляла меж старых замшелых елей и сосен, почерневших от старости необъятных берёз с корявыми кряжистыми ветвями, вплотную подступавших к дороге.

Старый кондовый лес, густо заросший по низу колючими кустарниками и молодой порослью, укутанный в густые зелёные мхи и разноцветные лишайники, окружал старый Семёновский тракт плотной, тёмной, таинственной стеной. Этот веками проторённый путь вёл от Бора вдоль Линды в Семёнов и дальше, в керженские дебри.

У каждой развилки старой скитской дороги безмолвно встречали путников строгие староверские кресты да мелькали порой среди пожелтевших берёз деревянные безглазые голбцы.

Дорога становилась порой такой узкой, что сердитые колючие еловые лапы пытались достать и возницу, и его пассажира, словно грозя нарушителям границ и спокойствия этого древнего мира.

– Вот ведь, дорожина! На тихом ходу не задремлешь! Жуткое место! Добраться бы до станции до темноты!

Ямщик боязливо озирался, вглядываясь в мрачноватые заросли, со всех сторон обступившие тарантас.

Его пассажир, служащий почтовой службы Алексей Колчин, молча перекрестился и потрогал лежащую рядом саблю и кожаную сумку с пистолетом. Вместе с почтальоном в скрипучем тарантасе подпрыгивал на кочках, плыл над глубокими лужами грунтовки кованный сундук с деньгами и почтой, желанная добыча для лихих людей.

Служба почтовая опасна и сродни солдатской, ни днём ни ночью покоя нет.

Тяжёлые дороги, то жара, то стужа, вечно замёрзшие и затёкшие от неудобной позы ноги. Из повозки выберешься – ещё долго звенят в ушах колокольчики и качает то назад, то вперёд.

А придётся ночью на почтовой станции заночевать, хоть и накормят почтальона бесплатно, и лежанку дадут, но сон у него тревожный, – вполглаза, сундук под голову, пистолет в руку.

А платили почтальонской шушере, как и ямщицкой черни, сущие копейки. Трудная работа у тех и других, а малооплачиваемая. А вот цели разные. Почтальону надо доехать поскорее, а ямщику главное – лошадей поберечь, где можно, шажком пустить.

Но на Семёновском тракте и ямщик не против быстрой езды, в страхе от тёмного леса и разбойников, которым эти дебри – дом родной. Да не разгонишься на ямах и ухабах.

Остаются русский авось и молитва. Да оберег всех перевозчиков и путешественников – иконка Святого Христофора на груди.

На службу почтовую Алексея нужда привела. От родителей остался ему маленький домишко возле Почаинского оврага в Нижнем, а больше ничего. Большой силой и смекалкой парня природа не наделила, худой, шуплый и не очень удачливый, в других местах оказался не к месту. Лучшей работы не нашёл, в почтальоны приткнулся, тут и остался. Пока один жил, всё было неплохо. Но как женился пять лет назад, трудностей прибавилось. Дочка Анютка родилась хорошенькой и здоровой, но и тут не повезло. Напугалась девчонка огромной соседской собаки. Да так, что перестала разговаривать и при любом испуге падать начала и в припадках биться.

Алексей от жалости к дочке места себе не находил. А чем поможешь? Всё, что скопили с женой, на докторов потратили, да всё без толку. Только и осталось отцу, что побаловать чем можно Анюту. И в этот раз он пустился в опасную дорогу, считать полосатые вёрсты, ради Анютки, в надежде на хорошее вознаграждение.

При мысли о дочери Колчин тяжело вздохнул. И поёжился от студёного воздуха. Начало октября выдалось сырым и холодным.

После утреннего дождя осталась в воздухе взвесь мелких капель, скрывая очертания деревьев. В такое ненастье сглаживалось понятие времени суток. Без ветра и солнца уже с обеда длились унылые серые сумерки.

Перед почтальоном маячила, покачиваясь, широкая спина толстого ямщика с кожаным номерком на тулупе. Почтальон задремал на миг, но очнулся от неясной тревоги.

Где-то рядом гукнул сыч, одиноко и угрюмо. Лес стоял вдоль дороги плотными чёрными стенами, из него словно исходила тьма.

Алексей вдруг почувствовал страх и инстинктивно достал из сумки пистолет.

Тишину дебрей разрезал, словно острый нож масло, звонкий свист. От этого звука и ямщик, и почтальон вздрогнули и покрылись холодным потом.

– Гони! – в ужасе прокричал Алексей.

Но испуганно фыркающих коней уже хватало под уздцы смутные тени мужиков. Алексей, словно оцепенев, увидел, как топор разбойника опустился на голову ямщика, капли горячей крови упали на лицо и руки Колчина.

И тут перед ним выскочила из тумана гнусно улыбающаяся бородастая рожа. В голове мелькнуло лицо дочери, Колчин очнулся от сковавшего его страха и выстрелил прямо в ощерившийся беззубый рот. Алексей выскочил из тарантаса, держа в руке бесполезный теперь однозарядный пистолет. Один из лиходеев успел ударить его ножом по руке. Другой разбойник уже занёс над почтальоном топор.

И тут произошло то, что не укладывалось в голове в рамки возможного.

Раздались крики ужаса перепуганных разбойников. Алексей успел увидеть, как мелькнула рядом неясная тень собаки, как бросилась она на мужика, ранившего его, и то ли отгрызла, то ли разом откусила голову злодея, и она покатилась к ногам остоленевшего на миг Колчина. А собака вдруг поднялась на задние лапы. Не то пёс, не то человек взглянул на Алексея и исчез из вида вдогонку за грабителем.

У почтальона волосы встали дыбом, он бросился бежать без оглядки, не разбирая дороги, боясь страшной погони. И непонятно было, что страшнее – разбойники-убийцы или то непонятное и неведомое суще-

ство, которое с ними расправилось. Он бежал и повторял одно лишь слово.

– Свят! Свят! Свят!

Алексей не помнил, как проскочил колючие заросли, как метался между стволами шершавых сосен, как перескакивал поваленные деревья.

Колчин бежал, сколько мог. А потом упал возле корней берёзы. Поначалу он слышал лишь бешеный стук сердца и своё частое дыхание. А когда успокоился, стали слышны непонятные шорохи леса. Хрустели, ломаясь, сухие ветки, шуршала опавшая листва, и казалось, что рядом кто-то вздыхает. В полутьме со всех сторон словно подкрадывалось нечто незримое и непонятное.

Алексей схватился за раненое левое предплечье. Рана была глубокая, и весь рукав форменной шинели пропитался кровью. Она стекала по руке, капала с пальцев в траву. У почтальона закружилась голова.

– Вот и всё! Прости меня, дочка! Не привезу я тебе подарков...

Колчин увидел над собой смутный силуэт человека с собачьей головой, и сознание его помутилось.

Алексей очнулся и, не открывая глаз, прислушался к звукам. Он помнил всё, что с ним случилось, и просто боялся увидеть что-то ужасное рядом. Но воздух был тёплым, пахло кашей и лампадным маслом, а старческий голос монотонно шептал знакомую молитву.

По щеке почтальона скатилась слеза, он погладил старинный крест и образок на груди здоровой рукой, открыл глаза и перекрестился.

– Слава тебе, Господи...

Колчин лежал в избе с низким потолком на покрытой овчинным тулупом широкой лавке. Из угла, освещённого трепетным пламенем лампы и свечей, с древних икон сурово смотрели лики святых. А перед иконами на коленях стоял человек в чёрном одеянии.

Раненый пошевелился и застонал от боли. Рука была кем-то умело перевязана, но сильно болела.

Старик поднялся и подошёл к Алексею.

– Очнулся, мил человек? Вот и славно! Свезло тебе, такой лютой смерти избежал! Как только таких супостатов земля носит!

Голос у старца был ласковый и спокойный. Алексей облегчённо вздохнул.

– Где я? Кто вы?

Старик подоткнул под бок раненого старое лоскутное одеяло и погладил образок святого на груди Алексея.

– У добрых людей. Отец Иоанн я. Лежи спокойно, рану не разбереди. А образок хороший носишь. Потому и помощь вовремя получил.

Алексей с благодарностью увидел рядом свои постиранные вещи. Даже перепачканную кровью шинель кто-то заботливо вычистил и аккуратно заштопал.

Рана оказалась тяжёлой. Колчин медленно шёл на поправку с помощью монахов маленького староверского скита и с интересом приглядывался к месту, в котором оказался.

В обители было человек тридцать мужиков разного возраста. Были и глубокие старцы. Колчина никто не чурался, отдельной посуды не предлагал. Значит, к поморскому согласию они не относились. А к какому толку старой веры относилась здешняя братия, почтальон не выводывал. Никто не запрещал Алексею ходить где хочет. Но и без пригляда не оставляли. У него всегда было чувство, что кто-то наблюдает за ним.

Несколько старых деревянных домов, в которых жили монахи, с моленной комнатой в одном из них, соединялись меж собой крытыми переходами. Позади располагались скотный двор, конюшня с лошадьми, сараи, огород, вспаханное поле.

Скитские строения располагались на берегу неширокой, но глубокой речушки с быстрым течением. На ней даже виднелась небольшая мельница. А вокруг частоколом стоял дремучий лес, словно отделяя и охраняя скит от остального мира.

Алексей походил по краю чащи. Но наезженной дороги нигде не обнаружил.

– А как вы добираетесь сюда без дорог?

На этот простой вопрос монахи ответили столь же просто.

– А никак. Зачем? Всё, что надо, у нас есть. Лес, река да огород кормят. Слава Богу, урожай нынче хороший. Всё уже в закрома прибрали. И лес здесь благодатный. И речка, хоть невеличка, а рыбой богата.

Кормили гостя просто, но сытно. А ещё поили отварами трав и ягод. Отец Иоанн делал Алексею перевязки с ароматной мазью.

Чем лучше становилось Колчину, тем больше вопросов теснились в его голове.

Почтальон думал о том страшном вечере в лесу. Кого он видел в тумане? И как он сам попал в скит? И отпустят ли его восвояси или отсюда нет исхода обратно в мир?

Монахи вставали на рассвете, проводили время в труде и молитве. Раненного гостя никто не принуждал к строгому распорядку. В поисках отца Иоанна Колчин заглянул в моленную.

В комнате, наполненной старинными образами, всегда теплились лампы. Алексей впервые с интересом разглядывал иконы древнего письма. И застыл возле одной из них. По спине поползла струйка холодного пота.

– Что это?

Колчин вздрогнул от прикосновения. Отец Иоанн подошёл совсем неслышно и внимательно смотрел на гостя.

– Чего испугался-то?

Алексей не мог отвести взгляд от странной иконы. Она была в почерневшем от времени, но местами до блеска отполированном, серебряном окладе и занимала самое центральное место иконостаса. Икону явно выделяли и особо почитали. И чаще других образов прикладывались к ней. С чёрной закопчённой доски строго смотрел на Алексея человек с головой то ли собаки, то ли другого неведомого существа со звериным оскалом.

Существа, с которым почтальон столкнулся на Семёновском тракте. Алексей не сомневался, что это именно так. Неизвестный художник явно видел это существо своими глазами, так как оно было слегка похоже на собаку, но отличалось от неё.

– Кто это? – Колчин спросил почему-то шёпотом.

– Святой Христофор. Аль не узнал? У тебя на груди иконка его висит, такая же старинная видать! Ныне пишут его иначе, с человеческим ликом. А этой иконе несколько веков. Мы здесь почитаем его особо.

– Так образок крошечный, толком и разобрать уже, кто на нём. А тут...

Иоанн указал на лавку.

– Присядем. Ты, вижу, давно поговорить о чём-то хочешь.

Алексей рассказал Иоанну всё, что произошло с ним и ямщиком на дороге. И о странном страшном существе, расправившемся с разбойниками.

– Выглядело оно точь-в-точь, как этот святой на иконе. Как такое может быть? И почему этот пёс-человек не разорвал на куски меня, когда я упал от слабости?

Отец Иоанн покачал головой.

– Раз хочешь знать, расскажу. Не знаю, отпустит он тебя или нет. Не мне решать. Но только поклянись самым дорогим, что сохранишь чужую тайну. Подумай, прежде чем ответить. Это совсем не так просто, как кажется. Испытаний много будет...

– Клянусь, батюшка! Самым дорогим, что есть – дочкой клянусь, никому слова не скажу.

– Что ж. Слушай. Скит этот на реке, почитай, два века стоит.

Трудные были времена. То гонения, казни, ссылки всем, кто старую веру исповедует. То послабление ненадолго. И опять разорение монастырям и скитам, добрым людям испытания да мытарство.

А про нашу Ларионову обитель никто слыхом не слыхивал, видом её не видывал. Ни царские, ни церковные власти к нам не навевались. Никто не проверял, не разгонял, не притеснял. Вот и смекай, почему? Потому, что у монастыря защитник есть. Никто сюда без его разрешения не войдёт и не выйдет. А появился он в стародавние времена, при первом настоятеле, старце Ларионе. Старец сюда, в дебри лесные, с севера пришёл вместе с несколькими братьями соловецкими. Тут и обосновались, обжились...

Отец Иоанн рассказывал, а Алексей слушал затаив дыхание.

Недалеко от скита охотник-отшельник жил. Нелюдимый да жестокий. И зверью, и новым поселенцам-соседям житья не давал. По всему лесу вокруг капканов наставлял. И вокруг обители тоже, да прикроет так – не увидеть.

В такую ловушку и попал по весне маленький щенок. Нашёл его сам старец Ларион. Никто не верил, что выживет пёс. Уж очень серьёзны были раны. Братья монастырские щенка разглядывали, дивились на вид его странный: вроде пёс, а вроде и нет. Не пойми кто. Уговаривали настоятеля животину утопить, чтоб не мучилась. Ларион не позволил:

– Всё Богово. И это создание тоже. Судьба ему выжить – пусть живёт с нами. А вот с охотником поговорить надо. За ограду страшно выйти – любой может в капкан попасть.

Пошли к нелюдимому соседу три самых сильных монаха. Кто его знает, что этому отшельнику в голову взбредёт? То, что они увидели возле избушки охотника, перепугало братию до смерти. Возле крыльца трава была залита кровью, повсюду разбросаны останки человека. Голова охотника лежала на крыльце, огрызненная неведомым зверем.

Ни оружия, ни капканов нигде не нашли.

Зверья в девственных таёжных лесах Заволжья много было. Решили, что волки задрали отшельника. Хоть сомнение многим затылок холодило. Не слыхивал никто, чтоб об эту пору волки на человека нападали.

Похоронили охотника по православному обычаю рядом со скитом на песчаном холме, положив начало скитскому погосту. Молились после этого иноки истовой, чем прежде.

Старец Ларион костоправом был и травником. Выходил щенка. Поначалу щенком считали, похож был на собаку. А когда пёс подрос, удивил

всех несказанно. Вовсе не собакой оказался. Человеком. Только с головой, на собачью похожей.

Псоглавец . Люди и слово это забыли уже. А племена такие жили в старину во многих местах. Оказалось, что среди здешних лесов и болот тоже обитали.

Теперь монахи по лесу с опаской ходили. И многим казалось, что наблюдает за ними кто-то в чаще. Но не показывается. Пришлось инокам с этим смириться. Без даров леса тут не прожить. Он и кормит, и греет.

Старец псоглавцу имя дал по дню наречения – Виссарион. Братия поначалу с отношением к новому члену общины не определилась. Одно дело – щенка приютить. И совсем другое – существо непонятное и пугающее. Но все споры затихали, когда рядом Виса оказывался. Всех псоглавец очаровал. Ласковый, а глаза такие удивительные – огромные карие с золотистыми искрами, свет излучающие.

Окончательно примирила монахов с присутствием Висы древняя икона святого Христофора с пёсью головой. Большая икона в серебряном окладе, одна из немногих, которые удалось старцу принести с Севера.

Пока думали да спорили, рос Виссарион не по дням, а по часам. Ходит на двух ногах, одежду ему справили, слова понимает. И что совсем чудно, его тоже все понимать стали, без слов. Словно мысленно разговор ведёт. А потом и говорить начал – невнятно, но разобрать можно. Как – неисповедимо.

Поздней осенью в скиту переполох случился. Из леса инок грибник прибежал, криками всю братию собрал. Руками машет, на опушку чащи показывает. А там... На краю леса псоглавцы стоят. Сколько, со страху не разобрали. Много.

Виса увидел их, закружился волчком, на четыре лапы встал и убежал к лесу. Все псоглавцы вдруг поклонились в сторону скита и мгновенно пропали из вида. Не было Висы три дня. Три дня монахи от страха тряслись, выйти из изб боялись. А как взаперти усидишь? Хозяйство, скотина внимания требуют.

Но никто настоятеля не попрекал, что приютил существо странное. Все к Виссариону привязались.

На четвёртый день вернулся Виса. Один. Без одежды. Долго с Ларионом в келье разговаривал.

Когда все на вечерню в моленной собрались, Виса, уже в штанах и рубаше, монахам поклонился и заговорил. Где вслух, а где без голоса, сразу в голову проникая, рассказал свою историю.

Псоглавцы жили в этих местах до того, как сюда пришли люди.

Сначала немногочисленное племя мари поселилось в девственных лесах Заволжья, потом появились русские поселения. Псоглавцы, обладая способностями предвидеть, предчувствовать и понимать без слов другие существа, своё присутствие особо не показывали, но и не прятались. Много вокруг Линды да Керженца было и есть глухих и недоступных мест. Они наблюдали за происходящим. До поры. Пока не встретились с неоправданной злобой, жестокостью и агрессией.

Убить псоглавца не так просто, он провидец, обладает невероятной силой, скоростью, острейшим зрением, различает запахи на многие километры вокруг. А ещё... Наделён зубами, прочными и острыми, как лезвие бритвы. И отсутствием неоправданной агрессии. В племени псоглавцев не было придумано оружия.

Но вид псоглавцев был так неприятен, странен и пугающ для многих людей, что побуждал желание уничтожить неведомое существо. Есть

люди, от природы наделённые звериной сутью убийцы, а есть такие, кто от страха зверем становится, столкнувшись с непривычным и непонятным, а потому – страшным.

Пришлось племени необычных людей применять для защиты себя самое страшное, что у них есть – острые и прочные зубы. Так что не только вид, но и упоминание о псоглавцах стало внушать ужас другим племенам, населявшим Заволжье.

Шли века, людей в крае становилось всё больше, а вот псоглавцев всё меньше, хоть и жили они гораздо дольше людей, многие и до трёх столетий дотягивали. По неведомой причине детей у племени рождалось очень мало, а выживало ещё меньше. Каждый малыш становился событием, и берегли его всем племенем, скрывающемся среди топких болот и непроходимых дебрей.

Старец Ларион и братья сильно рисковали, приняв в скит Вису. Любителя капканов, от которых пострадал ребёнок, безжалостно и без нужды убивавшего всё живое, жестоко уничтожили. Монахи и не догадывались, что соплеменники Висы всё это время были рядом денно и ночью, наблюдая за малышом.

У псоглавцев было острое чувство справедливости, свои понятия о добре и зле, о милосердии и благодарности. Порой отличные от привычных людских. И способы наказания и расправы тоже до дрожи жёсткие и нечеловеческие. И, как оказалось, способы вознаграждения тоже невероятные.

Псоглавцы знали, чувствовали, что малыш смог выжить только благодаря целительскому дару старца и доброму отношению всей братии. И не пугали монахов все эти долгие месяцы, не пытались показываться или выкрасть Вису. Просто общались с ним всё это время так, как дано им с рождения, – на расстоянии, мысленно.

Но места здешние, глухие по меркам людским, стали слишком суетными для псоглавцев. Этой осенью удивительное племя уходило в другие края, отдалённые и безлюдные. Вот тогда и пришли они попрощаться с монахами и Висой, хоть раз обнять его. Подросший псоглавец принял уже своё решение. И был понят своим племенем. Он оставался.

Лучшие предсказатели увидели будущее края, новые гонения и мучения ревнителем старой веры, убийственные костры, ямы и кандалы. И Висе не препятствовали из благодарности к спасителям стать хранителем, защитником и оберегом обители. Наоборот, поручили ему эту службу от лица племени.

Алексей впервые прервал рассказчика.

– Так это был он? Со мной, в лесу?

Старец кивнул.

– Да. Он живёт так, как хочет. У Виссариона есть своя келья с отдельным входом. Когда он здесь, одевается, в трапезной питается с нами. Много читает, книги священные изучает. Но когда у него случаются видения, может исчезнуть на несколько дней. Несёт свою службу. Два с лишним века уже несёт.

Никто враждебный к скиту и близко не подходил.

Без его разрешения мы новых насельников не принимаем. Висе стоит в глаза человеку посмотреть, он сразу скажет, по судьбе ли ему тут быть. Почитай больше половины братии он от разных напастей спас или от лютой смерти. И всем им тут дом родной. Вот и твою судьбу ему решать. За всё время моё тут один случай был, что разрешил он уход из скита.

Про псоглавца в лесах все местные знают. Легенды разные ходят. Никому и в голову не приходит встречи с ним искать. Причину ты своими глазами видел.

Не любит Виссарион воров, убийц, разбойников разных. А их в эти края как магнитом тянет. Но по этой части тракта лихие люди с опущенной головой и на полусогнутых идут, все молитвы вспомнят, пока минуют.

Те, что на тебя напали, не здешние. Впервые решили на керженских зимницах побывать. Туда путь держали. Да не там лиходействовать стали. Не потерпел защитник такой наглости, в его владениях добрых людей губить. За одного доброго человека спасённого он без жалости всех и положил. Тут я бессилён Вису переделать. Такое у него врождённое чувство справедливости. А нам лишь молиться за него остаётся.

Думаю, что теперь ты готов к встрече с ним. Да не трясись. Если любовь твоя к дочери велика, собери все силы для этого разговора. О ней думай.

А уж я помогу чем могу. У нас в скиту всегда целители были. Вот и мне умение передали.

Старец Иоанн поднялся с лавки.

– Иди за мной, он зовёт.

У Алексея вдруг закружилась голова, а ноги словно свинцом налились. Он боялся упасть в обморок и всё испортить.

Но едва переступил порог кельи, страх исчез без следа. И странное обличье двухметрового Виссариона не напугало. Псоглавец пристально посмотрел в глаза Колчина.

– Видел твой образок. Откуда он у тебя?

– От деда достался.

– Деда Иваном звали?

Колчин с удивлением смотрел на Виссариона.

– Да, Иваном.

– Знаком мне этот образок. Сам Ивану передал. А слово данное дед твой сдержал. Никому не рассказал про тайны здешние.

– Так он был здесь, дед Иван?

– Хорошим человеком он был. Ты послабее, Алексей. Тяжело тебе будет тайну нашу хранить. А придётся. Ладно, некогда нам разговоры вести.

Псоглавец взял со стола маленький образок и протянул Алексею.

– Идти ты уже можешь. Торопиться надо, а то беда случится. Вот для дочки образок. Пока он при ней – всё будет хорошо. Я сам тебя провожу.

После неспешных, спокойных дней, проведённых в обители, за которые он залечил рану, отдохнул и отъелся, отрешился от забот и проблем, всё изменилось за несколько минут.

Алексей смутно помнил потом суетливые и быстрые проводы. Иоанн передал ему травы и настойку для дочки, монахи собрали узелки с едой и проводили к воротам. Когда Колчин увидел осёдланного коня, чуть не заплакал от досады.

– Так ведь я никогда верхом не скакал.

– Ничего, и одной рукой удержишься за меня, – Виссарион вскочил в седло, монахи помогли Колчину устроиться за ним.

Алексей обнял Вису правой рукой, со всей силы вцепившись в его одежду. И конь тронулся.

Псоглавец гнал коня сквозь чашу, ветки безжалостно хлестали почтальона по голове и спине, лицо он прятал за спиной Висы.

Скакали порой по тракту, порой по лесу, а порой едва пробирались сквозь валежник. Виса выбирал дорогу, чтобы никто не попался на пути.

И лишь когда Алексей совсем обессилел и стал терять сознание от неудобной позы, Виссарион остановил коня и помог спуститься Колчину.

– Всё. Отдохни малость. А дальше – пешком. Что людям сказать, тебя Иоанн научил. Не увидимся больше. Встреч с нами не ищи.

Псоглавец вскочил на коня и исчез из виду, словно и не было никого.

Почтальон сидел на холодной обочине и как околдованный слушал многоголосую тишину леса. Она неуловимо звенела и состояла из множества чуть слышных и совсем почти неслышимых приятных уху звуков. К ним добавилось что-то совсем другое, приближающееся и звонкое.

– Колокольчик! – обрадовался Колчин.

Удивлённый ямщик притормозил коней возле человека в форме почтальона.

Алексей вздохнул полной грудью. Он возвращался из другого мира в прежнюю жизнь, полную забот и тревог, но такую желанную сейчас.

Дома было столько радости! Ведь Алексея считали убитым двадцать дней! Долгих и чёрных, как ночь без луны.

Первое, что сделал Алексей, попав домой, – повесил на шею Анютке иконку, подаренную Виссарионом. Псоглавец не зря торопил Колчина, дочке несколько раз становилось очень плохо в эти дни. Травы от Иоанна и образок сделали чудо, в которое он поверил ещё в скиту. Девочка не испугалась изображения Христофора-псоглавца на образке, наоборот, гладила иконку и ласково шептала:

– Собачка! Хорошая!

Анютка быстро поправилась. Перестала заикаться и падать. Приступы больше не повторялись. И, на удивление всей улице, вдруг полюбила собак. Без страха подходила и к маленьким шумным собачонкам, и к огромным сторожевым псам. И они никогда на неё не лаяли, а наоборот, ласкались и защищали.

На службе удивления было тоже немало. Алексей узнал, что следом за ним в Семёнов по служебной надобности мчались на почтовых судебных следователи из Нижнего. Они и застали на дороге страшную картину: возле тревожно храпящих коней – зарубленного ямщика, одного застреленного разбойника и ещё трёх, загрызенных неведомым зверем. Как всегда, списали это на волков, надо же хоть как-то объяснить непонятное происшествие. Нашли брошенный почтальоном пистолет, нетронутый сундук с деньгами в тарантасе. Почтальона долго искали, прочёсывали лес, но без результата.

Алексей объяснил своё исчезновение тем, что убежал со страху от погони с тяжёлой раной, потом долго был в беспамятстве, что выходил его старый охотник на займке в лесу.

Следователи и доктор, осмотрев раненую руку Колчина, долго удивлялись и качали головами.

– Удивительно! До кости разрублена, а уже и рана затянулась, и рука действует! Вы счастливичик, батенька!

Так что почтальона за полученное ранение и сохранённые казённые деньги повысили в звании и наградили деньгами.

Жизнь налаживалась. Происшествие на Семёновском тракте уходило в прошлое, но не забывалось. Да и глубокий шрам на руке напоминал

о нём то и дело. Только теперь понял Алексей, о чём предупреждал старец Иоанн. Молчать о случившемся и впрямь было тяжело. Искушение, испытание непростое. Но выдержал Колчин. Сдержал свою клятву. Никому не проболтался про скит, его обитателей и хранителя.

На следующее лето привели Алексея дела служебные в Городец, потом в село Сухарёнки. Время позволяло, зашёл он в Егорьевский храм. И замер возле иконостаса. Нигде, кроме скита, и крошечных образков, доставшихся от Висы, не видел он такой иконы святого Христофора. С образа глядел на почтальона Виссарион, как с натуры списанный. Колчин решил, что это знак. Раз в скит ему дороги нет, сюда будет приезжать. С тех пор раза два-три в год приезжал Колчин с семейством на службу в Сухарёнки, у иконы Псоглавца Христофора молился, благодарил за чудесное спасение своё и дочери, иногда просил или спрашивал псоглавца о чём-то важном для себя.

И казалось Алексею, что он слышит ответ в своей голове. А может, и не казалось вовсе?

Он прислушивался к этому мысленному совету.

И чудеса продолжали случаться, принося удачу и радость. Ведь чудеса противоречат не природе, а нашим знаниям о ней. Чудо случается, если в него верят.